

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

П. М. Козырева

Российское общество: тенденции исторического транзита

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kozyreva_Rossijskoe_obsch.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Козырева П.М.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

С начала 1990-х годов прошлого века Россия пережила колоссальную экономическую и политическую трансформацию, которая придала новое направление развитию страны. У России появился реальный шанс модернизировать общество на рыночных и демократических принципах и занять достойное место в современном мире в соответствии с ее уникальными возможностями. Сегодня очень многое говорит о том, что после длительного периода трансформационного хаоса наступила полоса относительной стабилизации. Страна более или менее успешно выходит из кризисного состояния, стараясь оптимизировать экономическое и политическое развитие в соответствии с объективными возможностями.

По мере укрепления стабилизационных тенденций существенно изменились ориентиры общественно-политического и экономического развития России. Если раньше основное внимание уделялось проблемам внедрения рыночных отношений, развитию основ демократии, выкорчевыванию тоталитарных и авторитарных устоев, то сегодня акценты смещаются в сторону обеспечения экономического роста, повышения уровня жизни людей и сбережения народа, усиления интеграционных процессов и укрепления национального суверенитета, создания сильного, дееспособного, но, безусловно, демократического государства, способного обеспечить устойчивое развитие страны в соответствии с вызовами XXI века. Экономический рост и общая стабилизация позволили перейти к реализации крупномасштабных национальных проектов и долгосрочных программ развития регионов, в центре внимания которых находится человек.

В данной статье, основанной на результатах Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), который проводится с 1994 г.,¹ мы попытались проследить, как последние перемены в развитии общества и государства сказались на жизни миллионов российских граждан, каким образом население реагирует на смену экономических и общественно-политических ориентиров.

¹ Мониторинг проводится Институтом социологии РАН, исследовательским центром «Демоскоп», Институтом питания РАМН и Университетом Северной Каролины (США). В ходе мониторинга опрашивается свыше 4 тыс. домохозяйств в 38 регионах России.

РОСТ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ

Оживление в экономической сфере, наступившее после преодоления финансово-экономического кризиса 1998 г., вызвало давно ожидаемый рост доходов и расходов населения. Если во второй половине 1990-х годов показатели средних реальных доходов и расходов домохозяйств только снижались, то начиная с конца 2000 г. они демонстрируют устойчивую тенденцию к росту. Так, с ноября 1998 г., когда были зафиксированы самые низкие показатели уровня жизни населения, по октябрь 2005 г. реальные месячные доходы домохозяйств выросли почти вдвое, в том числе только за последний год на 7,4%. В конце 2005 г. средний доход домохозяйств был самым высоким из всех, зафиксированных РМЭЗ.

Решающую роль в повышении доходов населения сыграл рост доходов от заработной платы и трансфертных платежей (пенсии, стипендии, пособия и т.п.), занимающих доминирующее место в структуре доходов семей. За 1998-2005 гг. совокупный доход от заработной платы, составляющий сегодня около 45% общего дохода домохозяйств, вырос в 2,5 раза. Что касается трансфертных платежей, на долю которых приходится около 35% общего дохода домохозяйств, то они выросли за этот период более чем в 2 раза. При этом около 90% трансфертов сегодня составляют пенсии. Доля домохозяйств, получающих трансфертные платежи, достигла 74%.

Среди других изменений, свидетельствующих о развитии стабилизационных процессов, стоит обратить внимание на рост денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора, который за 1998—2005 гг. составил почти 85%, и одновременное сокращение натурального дохода от домашнего хозяйства на 55%. В конце 2005 г. денежный доход от домашнего производства и неформального сектора составлял 5,9% общего дохода домохозяйств, т.е. примерно столько же, сколько в ноябре 1998 г. (5,6%). При этом натуральный доход из того же источника был немного ниже — 5,2% общего дохода домохозяйств, что гораздо меньше, чем в ноябре 1998 г. — 17,8%. Эти изменения демонстрируют постепенное снижение роли пассивных экономических практик, малопродуктивных способов выживания, таких, например, как самообеспечение за счет натуральных источников дохода, в адаптации населения к новым социально-экономическим условиям и одновременное повышение значимости активных способов социально-экономической адаптации.

Одним из немаловажных факторов роста доходов населения стало значительное сокращение невыплат («задержек») заработной платы и пенсий в результате улучшения ситуации в экономической сфере, укрепления финансовой системы, повышения управляемости во всех

звеньях государственного механизма. С ноября 1998 г. по октябрь 2005 г. доля лиц трудоспособного возраста, которым задерживалась зарплата, сократилась с 63,9 до 12,6%. Что касается пенсий, то их невыплаты («задержки») были наиболее важным фактором в октябре 1996 г., когда более трети пенсионеров не получили пенсии за месяц, предшествующий опросу. Но в последующие годы эта проблема утратила свою прежнюю остроту.

С ростом доходов заметно увеличились потребительские возможности семей. К концу 2005 г. суммарные расходы домохозяйств выросли в сравнении с ноябрем 1998 г. на 52,3%. Вместе с тем даже с учетом этого роста средний уровень расходов был на 12% ниже, чем в декабре 1994 г. За время реформ произошло кардинальное изменение структуры расходов в соответствии с логикой и динамикой рыночных преобразований, суть которых заключается в постепенном сокращении расходов на продукты питания и увеличении расходов на непродовольственные товары и услуги. Если в середине 1990-х годов затраты на продовольственные товары составляли около 70% общих реальных расходов, то к концу 2005 г. они снизились до 51%, сравнявшись с расходами на непродовольственные товары и услуги.

Повышение доходов и расходов населения определенным образом связано с улучшением ситуации в экономической сфере. В последние годы в России наблюдается устойчивый экономический рост, сопоставимый с темпами роста стран «большой восьмерки». Так, по росту ВВП, составляющему около 5,5%, Россия занимает лидирующее положение, а по росту промышленного производства (около 4,4%) — второе место среди индустриально развитых держав. Хотя, справедливости ради надо напомнить, что один процент роста американской экономики далеко не одно и то же, что один процент роста российской. В натуральном выражении американский процент оказывается в несколько раз больше.

Но все эти достижения смазываются высоким уровнем инфляции, превосходящим темпы роста доходов населения. За период с декабря 2004 г. по декабрь 2005 г. цены выросли на 11%. По этому показателю Россия в несколько раз опережает всех других участников «восьмерки». И любые попытки российского правительства обуздать рост цен пока оказываются малорезультативными.

Уже много лет подряд рост цен входит в число проблем, вызывающих наибольшее беспокойство у населения. Главная неприятность сложившейся ситуации заключается в том, что инфляция съедает сбережения основной массы семей, лишая их «запаса прочности» и подрывая уверенность в завтрашнем дне. Значительное большинство россиян сталкивается с огромными трудностями при приобретении товаров длительного пользования, получении качественного образования и

медицинского обеспечения. Неблагоприятным фактором для основной части населения в данном случае выступает увеличение доли платных форм таких социальных благ, как образование, медицина, жилье.

Характеризуя свои возможности, всего лишь 15,2% граждан указывают, что могут откладывать деньги на крупные покупки. Все острее, особенно в крупных городах, ощущается проблема жилищной бедности. Доля респондентов, способных улучшить свои жилищные условия, снизилась к концу 2005 г. до 7,1%. Только половина респондентов из тех, к кому это относится, имеет возможность при желании оплачивать дополнительные занятия детей школьного возраста и еще меньше (около 35%) могут оплачивать учебу ребенка в ВУЗе.

Не имея возможности сделать денежные накопления для решения наиболее острых материальных проблем, все больше людей обращается к помощи системы кредитования. В 2005 г. почти каждый четвертый гражданин воспользовался потребительским кредитом, расходуя затем значительные суммы на его погашение. Интересно, что количество заемщиков уже превзошло число тех, кто приобретает товары длительного пользования за свои деньги².

Такие важные проблемы, как уровень доходов и расходов различных групп населения, размеры и своевременность выплат заработной платы, пенсий и социальных пособий, относятся к числу главных вопросов, требующих пристального внимания со стороны государства. Именно эти позиции, составляющие ядро социально ориентированной государственной политики, во многом определяют его роль в развитии стабилизационных и интеграционных процессов в обществе.

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Одно из центральных мест в новейших тенденциях занимают изменения, связанные с постепенным, хотя и не всегда последовательным, снижением дифференциации населения по доходам и расходам. В целом за 1998-2005 гг. разница в доходах между домохозяйствами самого верхнего и самого нижнего квинтилей сократилась с 7,5 до 5,2 раз, в расходах — с 10 до 6,7 раз. Причем, наибольшие изменения пришлось на 2005 год. Одной из главных причин сокращения неравенства по доходам стало некоторое выравнивание доходов от заработной платы в полярных квинтильных группах. При этом продолжает сохраняться огромный разброс в уровнях заработной платы работников, занятых на аналогичных рабочих местах разных предприятий, который, по

² Новые известия. 2005. 14 июля.

мнению многих специалистов, выступает мощным генератором глубокого неравенства в распределении доходов населения³.

Но, несмотря на отмеченные положительные сдвиги, не стоит строить иллюзий по поводу резкого улучшения благосостояния населения. Надо понимать, что ощутимо богатеет лишь небольшая часть россиян. Определенная прослойка зарабатывает действительно неплохо, однако большая часть перебивается на невысоких государственных зарплатах, пенсиях, мизерных пособиях. Достаточно указать, что довольно скромные государственные трансфертные платежи составляют сегодня до половины дохода домохозяйств трех нижних квинтилей, тогда как домохозяйства двух высокодоходных квинтилей получают соответственно 26,9 и 14,2% дохода за счет этого источника. Характерно также, что беднейшие домохозяйства основную часть своего бюджета (около 60%) вынуждены тратить на питание, тогда как в самом богатом квинтиле эта доля составляет менее 30% (в 1998 г. эти доли составляли соответственно 71 и 43%). При этом беднейшие домохозяйства расходуют на питание в 3,4 раза меньше, чем домохозяйства самого богатого квинтиля.

Еще солиднее выглядят различия между богатыми и бедными домохозяйствами в расходах на непродовольственные товары. В октябре 2005 г. они достигали 11 раз. Самой большой была разница в ежемесячных расходах на электронику и другие товары длительного пользования, достигающая 80 раз. Причем, домохозяйства, входящие в группу с самыми высокими расходами, тратили на эти товары около 20% своего бюджета, тогда как в нижнем квинтиле — менее 2%. Заметим также, что разница в расходах на одежду достигает в настоящее время 6,8 раз, на услуги и отдых — 11,9 раз, оплату жилья и коммунальных услуг — 3,1 раз. Домохозяйства беднейшего квинтиля расходуют на аренду жилья и коммунальные услуги более 10% своего бюджета, тогда как в домохозяйствах самого богатого эти расходы составляют менее 5%. Абсолютное большинство богатых пользуются платными медицинскими услугами, дорогостоящим образованием. Например, на обучение и выплаты по займам, кредитам и страховым полисам они тратят почти в 20 раз больше, чем бедные.

Нельзя пройти мимо и того факта, что разница в доходах самых богатых, которые, по понятным причинам, не охвачены опросами, и остальной частью населения постоянно увеличивается⁴. В нынешней России добавленная стоимость концентрируется у узкого круга частных лиц, которые не торопятся делиться сверхдоходами со всеми гражд-

³ Стародубровский В.Г., Капелюшников Р.И. Механизмы формирования заработной платы на российских промышленных предприятиях // Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск. 2. М.: Поматур, 2004. С. 13.

данами. Это означает, что главные успехи и достижения рыночной экономики достаются самым богатым, наиболее обеспеченным группам населения, больше всех других выигравших от реформ и экономического роста. В основе этого углубляющегося неравенства лежит систематическое воспроизводство социально-экономических и политических механизмов легального и нелегального распределения и перераспределения общественного дохода в пользу богатых, консервация положения слоя населения с низкими доходами⁵. В ходе дальнейшего осуществления экономических преобразований такое положение не может оставаться незамеченным и требует кардинального изменения. Речь идет о формировании распределительных отношений, которые будут способствовать оптимизации процесса дифференциации различных групп населения по уровню благосостояния в соответствии с принципами социального государства.

Анализ результатов Российского мониторинга позволяет говорить о некотором снижении остроты проблемы бедности. Основанием для такого вывода является уменьшение доли домохозяйств с доходом ниже уровня бедности, которое наблюдается на протяжении всех последних лет⁶. С ноября 1998 г., когда было зафиксировано пиковое значение, по октябрь 2005 г. доля домохозяйств с такими низкими доходами сократилась с 38,1 до 7,8% (рис. 1). Этот уровень бедности является самым низким из когда-либо зафиксированных в ходе опросов РМЭЗ. Самым низким оказался и уровень крайней бедности, составляющий 2,9%.

Опросы выявили еще один примечательный факт: все отчетливее проявляется тенденция смещения бедности в сторону небольших провинциальных городов и сельских поселений. В составе бедных выделяются семьи с детьми дошкольного возраста, многодетные семьи, а также семьи, имеющие иждивенцев, не достигших трудоспособного возраста, или взрослого возраста, но не способных работать или с ограниченной трудоспособностью (инвалиды, тяжелобольные и др.). Кроме того, в группу риска постоянно попадают семьи неквалифицированных работников.

⁴ Семенов И.С. Социальное неравенство и качество жизни: факторы торможения vs факторы роста // Пути России: двадцать лет перемен / Под общ. ред. Т.Е. Ворожейкиной. М.: МВШСЭН, 2005. С. 142.

⁵ Микульский К.И. Когда элите нечем ответить на вызов истории // Независимая газета. 2005. 8 февраля.

⁶ При определении уровня бедности использовались пороги бедности, рассчитанные с учетом следующих факторов: экономия на продуктовых расходах в большой семье; различия в ценах по областям Российской Федерации; особенности продуктовых корзин населения, проживающего в различных регионах страны. Состояние крайней бедности соответствует доходам домохозяйства менее 50% уровня бедности.

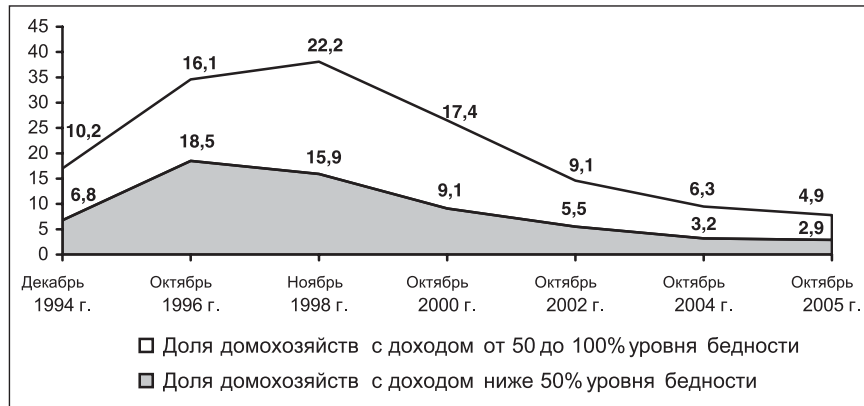

Рис. 1. Уровни бедности по домохозяйствам (%)

Отрадно, что доля малолетних детей, проживающих в семьях с доходом ниже уровня бедности, за 1998–2005 гг. снизилась с 56,2 до 12,3%. Наивысший показатель бедности пожилых людей (29,8%) пришелся на конец 1996 г., когда доля пенсионных выплат в средних реальных доходах домохозяйств была наименьшей. В дальнейшем доля пенсионеров, проживающих в бедных семьях, постоянно снижаясь, упала до 3,8% в 2005 г. В сельской местности семьи работающих пенсионеров или пенсионеров, активно занимающихся домашним хозяйством, относятся к наиболее обеспеченным категориям граждан.

Рассматривая вышеизложенные данные, нельзя забывать об относительности выбранного критерия для измерения бедности — уровня бедности, который не обеспечивает гражданам права на достойную жизнь. Многие из тех, кто находится выше этой условной черты, живут в крайне сложных, стесненных материальных условиях, балансируя на грани бедности и небедности. Состояние этой, так называемой, «граничной бедности» достигается посредством максимальной самоэксплуатации (работа на нескольких ставках в бюджетных организациях, неквалифицированные приработки, самообеспечение сельскохозяйственными продуктами и т.п.), которая ведет к постепенной утрате квалификации, но не обеспечивает достойного уровня жизни⁷.

В некоторых слоях бедность приняла хронический и необратимый характер. Речь идет не просто о спонтанном распространении застойной бедности, но о деградации социального капитала, утрате человеком социальной перспективы. По сути, происходит формирование слоя или

⁷ Лексин В.Н. Мир человека и пространство власти. Россия как новое «социальное государство» // Мир России. Т. XIV. 2005. № 3. С. 69.

класса потомственных бедных, которые в основной своей массе индифферентны к политике, не воспринимают реформы и другие новации, с предубеждением относятся к властям и любым результатам их деятельности. Имеются веские основания утверждать, что в стране окончательно сформировались социально-экономические условия, не позволяющие значительному числу граждан и их детям в обозримом будущем выбраться из бедности и нищеты. В экономике оформились определенные барьеры на высшем, среднем и низшем уровнях, которые не позволяют наемным работникам перемещаться вверх по социальной лестнице⁸.

Сохранение чрезвычайно глубокой неравномерности распределения общественного дохода среди различных групп населения выступает серьезнейшей угрозой, препятствующей развитию стабилизационных и интеграционных процессов, расширению и углублению демократических преобразований в России. При этом озабоченность широких слоев проблемами социально-экономического характера, недовольство несправедливым распределением доходов обусловила усиление ориентации подавляющей части граждан на повышение роли государства в проведении социально-ориентированной экономической политики. Произошло оживление традиционных взглядов и установок на усиление государственного регулирования, активизировалось недовольство государственными мероприятиями по перераспределению доходов. В целом получила распространение убежденность в том, что жесткие методы государственного регулирования в создавшейся ситуации могут открыть путь к оздоровлению экономики и справедливому распределению доходов. Но эти тенденции не имеют единой интерпретации. Требование проведения социально ориентированной политики нередко можно трактовать не как рост иждивенческих настроений, а как избавление людей, переживших все трудности трансформационного периода, от иллюзорных представлений о рыночной экономике.

ОТ НЕТЕРПИМОСТИ К ОБЩЕСТВЕННОМУ СОГЛАСИЮ

О снижении остроты проблемы социально-экономического неравенства свидетельствует и смягчение оценок возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между богатыми и бедными (рис. 2). Если в ноябре 1998 г. доля респондентов, отвергающих такую возможность, достигала 53,1%, то к концу 2005 г. она сократилась до 42,1%. Это сокращение произошло в основном за счет увеличения количества респондентов, занимающих промежуточную, компромиссную позицию («в

⁸ Сардовский К. Аппарат — для бедных // Независимая газета. 2006. 15 февраля.

чем-то возможно, в чем-то нет»), с 27,9 до 36,3%. Более толерантны в своих оценках молодые и высокообразованные люди. При этом отмеченное снижение отрицательных оценок и усиление компромиссной позиции характерно для групп респондентов, объединяющих людей разного возраста и с разным уровнем образования.

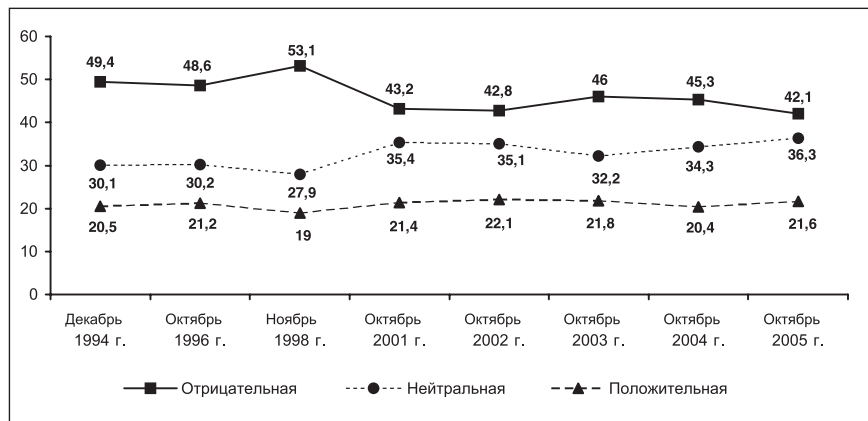

Рис. 2. Оценка возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми (%)

Надо заметить, что промежуточная позиция отражает довольно взвешенный, рациональный взгляд на проблемы социального неравенства. Подобные взгляды, являющиеся частью компромиссного сознания, ориентированного на взаимные уступки и бесконфликтное сосуществование, основанное на договоре, гораздо ближе к реальности, чем любые крайние точки зрения. Для респондентов с компромиссными взглядами более всего характерен выбор жизненных планов, акцентирующих внимание на достижение максимально возможного в улучшении своего положения в рамках существующей системы, не отвергая господствующие в обществе схемы, а действуя в соответствии с ними.

Учитывая всю глубину пропасти между бедными и богатыми, огромное подозрение общества к богатству и бизнесу, финансово-экономическим кругам, неверие в их способность обеспечить справедливое распределение доходов, вряд ли можно рассчитывать на их полное доверие и взаимопонимание, но компромисс между бедностью и богатством при соблюдении ряда основополагающих условий вполне возможен. Зачатки подобных взаимоотношений уже начали складываться в российском обществе. Как справедливо отмечает А.А. Галкин, представления о возможности лишь двух крайних вариантов негативной реакции общества на неоправданно высокую социальную дифференциацию — подчинение или социальный бунт, и, следовательно, два вида прогностических

ожиданий — ориентация на торжество общественного согласия или на глубокие общественные потрясения — не оправдались⁹.

Аналогичные тенденции наблюдаются в изменении оценок возможности достижения толерантных отношений между людьми, находящимися на разных полюсах власти. Похожесть ответов на эти вопросы объясняется тем, что для подавляющего большинства людей не существует больших различий между богатыми и обладателями власти.

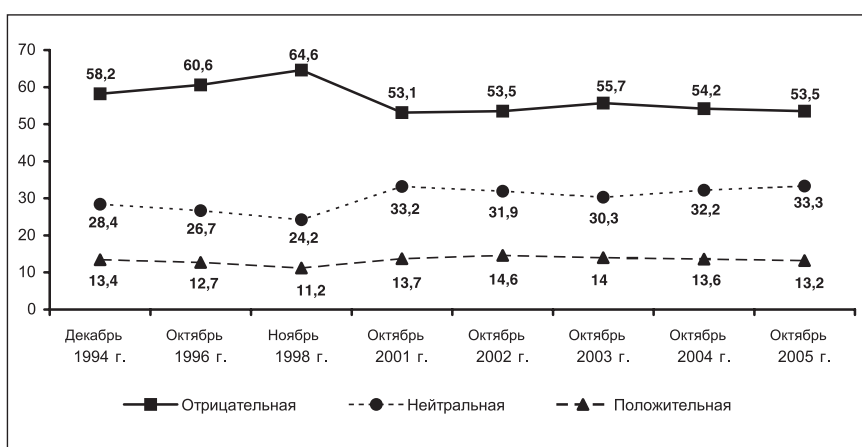

Рис. 3. Оценка возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между «простыми людьми» и теми, у кого много власти (%)

Как следует из рисунка 3, доля отрицательных оценок возможности достижения взаимопонимания между «простыми» людьми и теми, у кого много власти, за 1998-2005 гг. сократилась с 64,6% до 53,5%. Одновременно усилилась компромиссная позиция соответственно с 24,2% до 33,3%. Следовательно и в данном случае рациональное начало, стремление руководствоваться соображениями здравого смысла и трезвой оценкой возможностей изменения условий жизни подавляет эмоциональную сторону и вынуждает людей менять крайние взгляды на более терпимые. Однако усиление компромиссных (промежуточных) позиций в системе оценок терпимости властных неравенств происходит медленнее, чем в структуре оценок возможностей примирения бедности и богатства.

Изложенные данные являются одним из многочисленных подтверждений того, что в стране еще не достигнут баланс интересов между

⁹ Галкин А.А. Социальная дифференциация и массовое сознание // Дифференциация российского общества в зеркале публичной политики / Под ред. Ю.А. Красина. М.: Горбачев-Фонд, 2004. С. 31-34.

различными социальными группами, отсутствует необходимое единство взглядов на жизненно важные интересы личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности. И одной из основных причин этого являются различные условия жизни людей. Большинство россиян нетолерантны, и их нетолерантность непосредственно связана с социальным неравенством, что еще раз убеждает в необходимости выработки и реализации целенаправленной политики по снижению остроты проблемы неравномерного распределения благ.

ОБНОВЛЕНИЕ МАССОВЫХ НАСТРОЕНИЙ

Анализ результатов мониторинга свидетельствует о нарастании позитивных тенденций в социальном самочувствии россиян. Начиная с октября 2000 г., распределение населения согласно значениям «индекса социального самочувствия» демонстрирует устойчивое и все возрастающее превышение в массовых настроениях позитивного спектра над негативным как следствие ослабления ощущений социального дискомфорта и повышения уровня адаптированности населения к условиям трансформирующегося общества (рис. 4). С ноября 1998 г. по октябрь 2005 г. доля лиц с хорошим социальным самочувствием выросла с 20,9 до 47,7%, в то время как доля респондентов с плохим самочувствием снизилась с 46,5 до 19,9%.

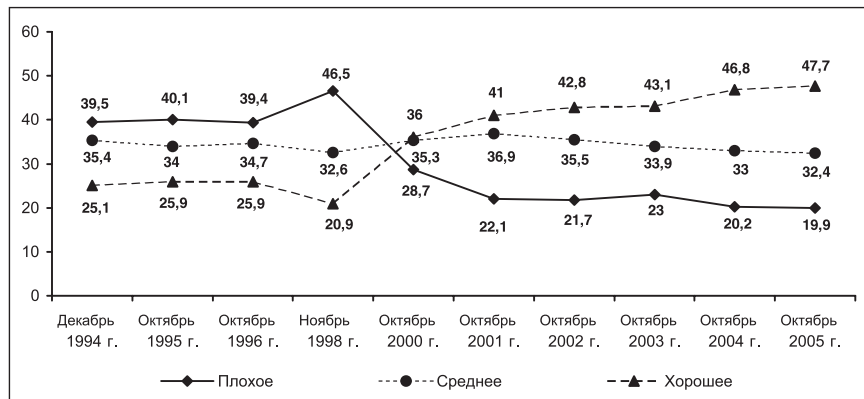

Рис. 4. Динамика социального самочувствия (%)

Процесс нарастания настроений социального оптимизма затронул различные социальные группы и слои. Хотя нельзя не заметить, что у старшего поколения данный процесс идет гораздо медленнее, чем у молодежи и в средневозрастных группах. Хорошо заметна и такая тен-

денция: социальное самочувствие тем лучше, чем выше уровень образования и лучше материальное положение людей. В позитивный спектр гораздо чаще попадают горожане, особенно проживающие в крупных региональных центрах, а также активные, инновационно настроенные и предприимчивые люди.

Рост уровня социального самочувствия непосредственно связан с адаптацией населения к существующим условиям жизни: гораздо лучше, чем в начале реформ, начали срабатывать адаптационные механизмы. Привыкание населения к обновляющейся ситуации в определенной мере сняло остроту материальных потерь и дало возможность отыскать новые средства и источники выживания и повышения уровня жизни. Граждане намного активнее, чем на первых этапах реформ, осваивают различные способы социально-экономического приспособления, чаще принимают ответственные решения, проявляют инициативу и предприимчивость. И, несмотря на то, что количество проигравших в результате реформ заметно превышает количество тех, кто сумел добиться ощутимого успеха, уровень адаптированности россиян к сложившимся социальным условиям сегодня довольно высок.

Одни люди адаптируются легче и быстрее, другие труднее и медленнее, но так или иначе все участвуют в адаптационных процессах, достигая, однако, разных результатов. В то время, когда одна часть населения быстро и уверенно выходит на самый верхний уровень, легко принимают новые ценности, другая надолго задерживается или останавливается на нижней или промежуточных ступенях адаптации. Количество россиян, которым так и не удалось приспособиться к новым реалиям, мобилизовать искаленные адаптационные ресурсы, остается весьма существенным. Многие из них, обманутые в своих ожиданиях и надеждах, пытаются приспособиться к принципиально новым социальным условиям, не соглашаясь с ними, не принимая их внутренне или считая их враждебными по отношению к себе. Для других непреодолимыми препятствиями становятся возраст, семейное положение, состояние здоровья и другие подобные причины.

Отмечается значительное улучшение практически всех составляющих «индекса социального самочувствия», в том числе, показателей удовлетворенностью жизнью, оценок предполагаемых изменений в положении семьи и уверенности в том, что респонденты смогут обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев. Однако динамика изменения этих составляющих оказалась разной. Так, с декабря 1994 г. по ноябрь 1998 г. доля респондентов в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью сократилась с 14,6 до 12%, но затем, последовательно увеличиваясь, к октябрю 2005 г. выросла до 37,2%. В то же время уверенность респондентов в завтрашнем дне менялась не столь динамично.

Возможности повышения своих доходов, уровня жизни большинство граждан по-прежнему оценивает негативно. Сегодня, как и в середине 1990-х годов, почти три четверти россиян обеспокоены тем, что не смогут обеспечить себя в ближайшем году даже самым необходимым. Но справедливости ради надо отметить, что степень этой обеспокоенности все же стала иной, чем в конце 1990-х годов, о чем свидетельствует заметное снижение количества людей, крайне встревоженных этой проблемой. Если в декабре 1994 г. их доля достигала 53,6%, в ноябре 1998 г. — 64%, то в октябре 2005 г. — 39,6%. Для полноты анализа укажем, что в декабре 1994 г. доля граждан, считающих, что через год они и их семьи будут жить лучше, составляла 18,2%, в ноябре 1998 г. — 12,9%, тогда как в октябре 2005 г. — уже 29,8%. Но гораздо убедительнее выглядит уменьшение количества респондентов, считающих только на самое худшее: декабрь 1994 г. — 44,2%, ноябрь 1998 г. — 52,8%, октябрь 2005 г. — 13,8%. При этом большинство (56,3%) в настоящее время считает, что в их жизни ничего не изменится.

В целом, отмеченные позитивные сдвиги еще не столь велики и устойчивы, чтобы можно было говорить об окончательном переломе в настроениях масс. Непредсказуемость, неопределенность и нестабильность трансформационных процессов сформировали в сознании больших социальных групп и слоев крайне настороженное отношение к происходящим событиям и оценке своих перспектив. Немаловажное значение имеет оставшееся в наследство от 1990-х годов недоверие к власти и российской экономике. Причем, государство само провоцирует подобное отношение к себе, продолжая реформаторские эксперименты над населением, продвигая дорогостоящие инициативы, усложняющие жизнь большинства граждан. Достаточно вспомнить, с каким трудом проводилась монетизация льгот или как на «ровном месте» возник алкогольный кризис.

ОЦЕНКИ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Удовлетворенность жизнью в целом не исключает неудовлетворенности отдельными ее сторонами. Как показал анализ, значительное число россиян, довольных своей жизнью в целом, не удовлетворены, в частности, материальной стороной своего существования. Но и здесь наблюдаются позитивные подвижки. Так, с октября 2000 г. по октябрь 2005 г. доля респондентов, удовлетворенных материальным положением увеличилась с 11,1 до 18,8%, тогда как доля тех, кого это положение не устраивает, снизилась с 75,4 до 62,4%, в том числе, выражающих крайнюю степень неудовлетворенности — с 37,9 до 25%. Примечательно, что наибольшие сдвиги приходятся на 2002 и 2005 гг. (табл. 1).

Таблица 1. Удовлетворенность материальным положением (%)

Характер оценок	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Полностью удовлетворены	2,0	2,6	3,5	2,8	2,4	2,6
Скорее удовлетворены	9,1	10,6	14,2	14,1	14,6	16,2
И да, и нет	13,5	15,6	15,7	16,3	17,8	18,8
Не очень удовлетворены	37,5	39,5	37,5	38,4	36,6	37,4
Совсем не удовлетворены	37,9	31,7	29,1	28,4	28,6	25,0

Явления обеспокоенности своим материальным положением весьма широко распространены среди граждан разного возраста. Но в наименьшей степени они характерны для молодых людей. С возрастом эта удовлетворенность постепенно снижается, но после 55 лет вновь возрастает. Главной причиной этого роста становятся регулярные выплаты пенсий и социальных пособий пожилым людям. Особенно велика доля лиц, ощущающих материальный недостаток, среди работающих пенсионеров, обладающих высоким потенциалом для адаптации к быстро меняющимся экономическим условиям. Вызывает интерес и тот факт, что уровень удовлетворенности материальным положением практически не зависит от образования и места проживания респондентов.

Только около четверти граждан ежегодно замечают улучшение материальной обеспеченности своих семей (табл. 2). Причем в большинстве это одни и те же люди. Такое постоянство еще раз убеждает, что плоды экономического роста и социально-экономического развития пользуются лишь определенными слоями населения. Примерно каждый пятый опрошенный указывает на ухудшение экономического положения семьи. Большинство же (от 52,4% в октябре 2001 г. до 57% в октябре 2005 г.) сохраняют достигнутый уровень материального благосостояния, который зачастую оказывается невысоким. Очень четко прослеживается тенденция: чем старше респонденты, тем реже они отмечают положительные изменения в материальном положении семей.

Таблица 2. Оценка изменения материального положения своей семьи (%)

	2001	2002	2003	2004	2005
Значительно улучшилось	2,8	3,2	2,2	2,6	2,5
Немного улучшилось	21,0	23,2	22,7	20,7	23,1
Осталось без изменений	52,4	53,3	56,4	56,8	57,0
Немного ухудшилось	15,6	14,3	12,6	13,7	12,0
Значительно ухудшилось	8,2	6,0	6,1	6,2	5,4

При оценке уровня благосостояния по шкале, представляющей девятиступенчатую лестницу экономического положения, получается более пестрая картина, отражающая изменение субъективных ощу-

щений респондентов с течением времени. Но общее направление этих изменений, безусловно, положительное. Это хорошо видно из таблицы 3, где респонденты для наглядности распределены по трем иерархическим уровням.

Таблица 3. Распределение респондентов по уровням и ступеням шкалы богатства*

Время проведения опросов	Уровни шкалы, (%)			Mean	Std. Dev.	N
	Нижний	Средний	Высокий			
1994	52,0	46,1	1,9	3,41	1,49	8767
1996	52,8	45,3	1,9	3,38	1,54	7762
1998	59,6	38,7	1,7	3,16	1,51	7693
2000	47,4	49,7	2,9	3,63	1,55	7407
2002	42,7	54,3	3,0	3,78	1,44	7772
2004	39,4	55,6	5,0	3,94	1,50	7624
2005	39,8	55,3	4,9	3,93	1,49	7155

* Средние и стандартные отклонения рассчитаны на основании распределения респондентов по 9-балльной шкале.

До конца 1990-х годов на шкале богатства большинство респондентов, с огромным трудом преодолевающих адаптационные затруднения, располагались в диапазоне нижних позиций, соответствующих невысокому уровню материального благосостояния, бедности и нищеты. Позднее доля респондентов, относящих себя к средним слоям на шкале богатства, выросла почти в полтора раза — с 38,7 до 55,3%, значительно превысив долю тех, кто относил себя к малообеспеченным или бедным. Удельный вес последних за этот период уменьшился с 59,6 до 39,8%. Особое внимание следует обратить на стремительное сокращение беднейшей части граждан, занимающих низшие ступени идентификационной шкалы: с 16,8% в 1998 г. до 4,6% в 2005 г. Следовательно, снижение бедности фиксируется не только при абсолютном, но и при относительном подходе к оценке численности бедных.

Усиление восходящей субъективной мобильности отмечено в различных социально-демографических группах, но особенно среди лиц молодого возраста. Молодые люди более амбициозны, чем старшее поколение, и у них не возникает подспудного желания сравнить свое нынешнее положение с дореформенным. У молодого поколения иной комплекс переживаний, иные жизненные приоритеты, трудовая мотивация, самооценка, критерии общественного признания. Медленнее меняют свои оценки пенсионеры, которые чаще всего склонны считать себя бедными и реже — людьми среднего достатка. По их мнению, пенсия способна обеспечить лишь самые необходимые расходы, в основ-

ном на продукты питания, оплату жилья и коммунальных услуг¹⁰. Исключение составляют работающие пенсионеры, занимающие обычно средние позиции на шкале богатства. Таковых сегодня около 17% как среди мужчин, так и среди женщин. Интересно, что многие из них работают главным образом для того, чтобы помогать детям и внукам.

Повышение позиций на идентификационной шкале богатства, характерное в последние годы для значительной части респондентов, перемещение из нижних слоев в средние, из средних в верхние или непосредственно из нижних в верхние выступает важным свидетельством улучшения условий жизни и роста адаптированности населения к экономическим реформам. Об этом говорит и более осмысленное, чем десятилетие назад, понимание населением общей направленности и результатов своих перемещений в социальном пространстве. Если ранее до четверти и более респондентов не были способны артикулировать свое положение в обществе или отказывались идентифицировать себя в том или ином плане, находя такую идентификацию либо бессмысленной, либо невозможной, то сегодня их доля сократилась более чем втрое.

Данный анализ позволяет сделать вывод, что большинство людей как-то «приноровились» к рынку, тем не менее очень многие еще находятся под большим грузом материальных проблем, который не позволяет им с уверенностью и оптимизмом смотреть в будущее. Ощущение неудовлетворенности своим материальным положением, осознание ограниченности возможностей выступают причиной формирования весьма скромных притязаний. Жизненные установки значительной части россиян сводятся сегодня к непритязательным основаниям не предъявлять к жизни слишком высокие запросы, не заглядывать далеко вперед и не строить сложные планы, удовлетворяться самым необходимым.

ОБЕСПОКОЕННОСТЬ ПРОБЛЕМАМИ ЗАНЯТОСТИ

Одной из характерных особенностей настроений широких слоев населения уже длительное время выступает озабоченность проблемами занятости, придающая им ощущение ненадежности своего бытия. С недавних пор в ядро ценностей труда значительной части российских граждан стали прочно входить «надежность места работы»¹¹ и «гарантия занятости»¹².

¹⁰ Преснякова Л.А. Социальный, материальный и эмоциональный климат старости в России // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 144.

¹¹ Магун В.С. Об изменениях трудовых ценностей российского населения // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: 2000. С. 440-441.

¹² Попова И.М., Бессокирная Г.П. Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы? Методология изучения, результаты и перспективы исследований // Мир России. 2005. Т. XIV. № 4. С. 127.

Повышенная обеспокоенность неопределенностью своего существования, неясными жизненными перспективами нередко возникает или усиливается не только по причине отсутствия работы (уровень безработицы среди экономически активного населения за 1998-2005 гг. снизился с 11,2% до 6,6%), но и на почве угрозы ее потери. Тревога по этому поводу, нараставшая до ноября 1998 г., снизилась к октябрю 2002 г., а затем стабилизировалась, оставаясь, однако, довольно высокой. Если в ноябре 1998 г. доля лиц, в большей или меньшей степени обеспокоенных угрозой потери рабочего места, среди занятых составляла 68,9%, то в октябре 2005 г. — 55,5% (табл. 4). Анализ показывает, что подобная тревожность во многом связана с высоким уровнем неопределенности относительно будущей экономической ситуации и перспектив занятости при том, что уровень доходов и сбережений у большинства населения недостаточен для формирования страхового резерва на случай потери работы¹³.

Таблица 4. Обеспокоенность угрозой потери работы (%)

Характер оценок	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2005
Очень беспокоит	36,9	38,5	48,5	33,9	26,6	26,0	26,4
Немного беспокоит	20,6	23,5	20,4	23,7	26,5	26,5	29,1
И да, и нет	8,3	10,4	8,5	10,4	10,2	12,0	12,5
Не очень беспокоит	17,4	13,7	12,3	17,0	18,2	18,9	18,8
Совсем не беспокоит	16,8	13,9	10,3	15,0	18,5	16,6	13,2

По мере адаптации населения к рыночной экономике усилилась уверенность россиян в возможности найти подходящую, т.е. равноценную или более хорошую работу в случае потери рабочего места. К концу 2002 г. доля респондентов с подобной точкой зрения выросла, в сравнении ноябрем 1998 г., примерно в два раза — с 18,6 до 36,9%, и затем менялась незначительно (табл. 5). Но говорить о том, что ощущение возросших социальных возможностей в данном случае стало доминирующим, превратилось в характерный элемент массового сознания, определяющий динамику и направленность социального самочувствия, преждевременно. Доля испытывающих противоположные настроения даже после существенного снижения осталась достаточно высокой — 47,1%.

Одной из главных тенденций последних лет на российском рынке труда является дефицит квалифицированных кадров. Найти грамотного, хорошо подготовленного и обладающего опытом практической ра-

¹³ Ибрагимова Д.Х., Акиндинова Н.В., Аукуционек С.П., Батяева А.Е. Формирование ожиданий безработицы и их влияние на экономическое поведение населения // Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск. 2. М.: Поматур, 2004. С. 134-135.

Таблица 5. Степень уверенности в возможности трудоустройства в случае потери работы (%)

Характер оценок	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2005
Полностью уверены	14,4	11,3	9,1	12,4	16,5	13,3	12,3
Скорее уверены	12,6	12,1	9,5	17,5	20,4	21,6	23,8
И да, и нет	11,5	13,4	12,6	15,8	14,7	16,8	16,8
Не очень уверены	27,0	27,0	25,8	26,0	24,1	25,6	25,8
Совсем не уверены	34,5	36,2	43,0	28,3	24,3	22,7	21,3

боты специалиста с каждым годом становится все сложнее. Нынешний рынок — это рынок соискателя, и именно он диктует условия работодателю. Дефицит квалифицированных кадров ощущается как на рынке специалистов высшего и среднего звеньев, так и на рынке рабочих специальностей, особенно в непрестижных отраслях экономики. Этим во многом объясняется тот факт, что наибольшая уверенность на рынке труда характерна сегодня для высококвалифицированных специалистов.

Поскольку образование заметно расширяет личностные ресурсы, лица с высоким уровнем образования меньше обеспокоены угрозой потери работы, чем люди с неполным средним или средним образованием. Образование помогает не только быстрее найти подходящую, высокооплачиваемую работу, но и удержаться на рабочем месте. Мужчины и молодежь ведут себя на рынке труда намного увереннее, чем женщины и люди старшего возраста. Установлено также, что повышенная тревожность по поводу возможной потери работы и трудоустройства больше характерна сельским жителям, а особенно уверенно на рынке труда ощущают себя жители региональных центров и других крупных городов.

Боязнь потери работы и неуверенность в возможности трудоустройства вносят существенный вклад в формирование негативных эмоциональных состояний. Среди оптимистов доля людей с высоким уровнем самочувствия почти в два с половиной раза выше, чем среди тех, кто крайне негативно оценивает свои шансы.

Одним из свидетельств уверенного поведения работников на рынке труда является повышение их самостоятельности в выборе сферы трудовой деятельности, профессии, места работы. Если в 1998 г. доля сменивших место работы составляла 9,9%, то к 2002 г. она выросла до 13,1% и в дальнейшем оставалась примерно на этом же уровне (рис. 5). Схожие тенденции наблюдались и в изменении доли работников, сменивших профессию.

Несмотря на существенный рост уровня адаптированности населения к новым социально-экономическим условиям, повышение активно-

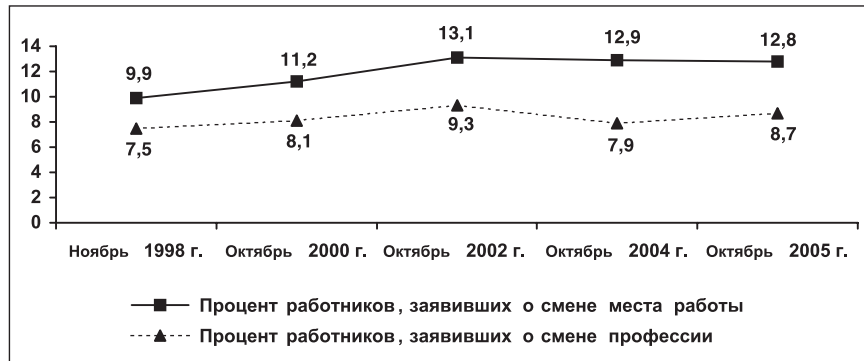

Рис. 5. Движение рабочей силы (%)

сти на рынке труда, только около трети россиян придерживаются мнения, что у них достаточно таких качеств, которые ценятся в нынешней экономической ситуации. И этот показатель практически не меняется с октября 2001 г. Рассматриваемые самооценки явно зависят от материального положения и политических установок респондентов. Среди граждан, занимающих верхние ступени на шкале материального благосостояния, значительно выше доля тех, кто уверен в своей способности использовать возможности, которые открываются в новых экономических условиях. Хорошо видно, что самооценки «рыночности» коррелируют с социальным самочувствием, выступающим важнейшим показателем адаптации к реформам: чем лучше социальное самочувствие респондентов, тем выше они оценивают свои рыночные качества.

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОГО НЕДОВОЛЬСТВА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНЕРТНОСТЬ

Сохраняющийся в обществе потенциал социального недовольства по-разному реализуется в поведении масс, что во многом связано с социальной неоднородностью общества, неоднозначностью жизненных условий различных категорий граждан, неодинаковым восприятием социальной действительности. В целом для нынешнего массового сознания характерна противоположность ориентаций, с одной стороны, на отстаивание своих интересов, а, с другой — на пассивное приспособление к существующим социальным условиям. Вторая ориентация занимает сегодня доминирующее положение и является важнейшим фактором, определяющим специфику гражданской и политической активности населения. Прежде всего речь идет о довольно низком уровне участия россиян в политической жизни, проявлениях политической индиф-

ферентности, безразличного, равнодушного отношения к политике, что является одним из наиболее слабых мест российской демократии. Основная масса граждан или не вовлечена в политическую жизнь, или принимает минимальное участие в политическом процессе.

Большинство россиян (свыше 70%) хорошо понимают важность обеспечения права на опротестование действий правительства и позитивно оценивают расширение возможностей для выражения своего несогласия по тем или иным экономическим, политическим и другим вопросам. Однако протестный потенциал рядовых граждан в настоящее время не столь велик и устойчив: только около 40% опрошенных считают необходимым и возможным для себя бороться с недостатками власти, оказывать на нее давление для того, чтобы привлечь внимание к наиболее острым общественным проблемам

В реальной действительности нынешнее российское общество еще инертнее и очень слабо реагирует на демократические импульсы. За последние три года только 1,2% респондентов принимали участие в политических митингах, демонстрациях или акциях протеста, направленных против действий властей, и всего лишь 0,5% участвовали в забастовках. При этом время от времени наблюдаются стихийные вспышки массового участия населения в различных акциях протеста. Чаще всего это происходит тогда, когда неожиданно возникшие проблемы меняют привычное течение жизни людей, возникает острая необходимость привлечь внимание органов власти и общественности к критической ситуации, в которой оказались граждане. Такой всплеск политической активности наблюдался в конце 2004 — начале 2005 гг., когда наметилось ухудшение экономического положения и началась непопулярная реформа по монетизации социальных льгот.

Отстраненность основной массы населения от участия в политической жизни имеет и другие подтверждения. Так, за последние три года только 4,4% взрослых граждан посещали встречи или выступления политических деятелей, избранных на государственные посты; 0,3% писали письма в средства массовой информации, чтобы выразить свои политические взгляды и убеждения. У значительной части россиян отсутствуют более или менее четкие партийно-политические предпочтения, ощущение приверженности к определенной политической партии. Сегодня в России нет ни одной политической партии, которая пользовалась бы сколько-нибудь существенным доверием у граждан. Люди устали от многочисленных политических брэндов и разочаровались в политических лидерах, не оправдавших их надежд. В большей или меньшей степени доверяют политическим партиям менее 28% россиян. Из широчайшего спектра общественных объединений немногие люди могут выбрать одну партию или общественную организацию, о которой они могли бы сказать «это — моя партия» или

«это — моя организация». Всего лишь около 1% опрошенных подтверждают свое членство в политических партиях. Большинство же отдадут предпочтение одной и той же форме их поддержки — голосованию за них на выборах. Все это дало основание многим специалистам утверждать, что традиционные партии с фиксированным членством уже в недалеком будущем будут постепенно уступать место каким-либо иным формам политического участия и самоорганизации. Но осуществиться этим предсказаниям вряд ли позволит новый закон «О политических партиях», выдвигающий противоположные требования.

Участие в выборах является в настоящее время едва ли не единственной формой политического участия для подавляющего числа россиян. Но и здесь глубокое социально-экономическое расслоение общества, нарушение социальных связей, отчуждение основной массы населения от властных структур ведет к снижению электоральной активности, игнорированию выборов разного уровня. Снижение явки избирателей, особенно заметное на выборах региональных структур и органов местного самоуправления, стало одним из знаковых явлений современной политической жизни в России. По мере снижения электоральной активности населения уменьшается и легитимность избираемых властных структур, поскольку трудно говорить о широком доверии к избранникам, если за них проголосовал незначительный процент избирателей.

В обществе широко распространено мнение, что «от того, как люди будут голосовать, в стране ничего не изменится». Между президентскими выборами 2000 и 2004 гг. доля респондентов, разделяющих эту точку зрения, увеличилась с 37,9 до 40%, тогда как удельный вес лиц, придерживающихся противоположной, уменьшился с 42,9 до 35,9%. Далеко не все люди уверены в демократическом характере выборов в современной России.

Как правило, социальная структура голосующих не соответствует структуре всех избирателей. Наиболее пассивный контингент составляют беднейшие слои и некоторые другие социально ущемленные, «обиженные» группы населения, отличающиеся невысоким уровнем социального самочувствия и испытывающие большие затруднения в процессе адаптации к реформам. Социальные «низы», теряющие интерес к политической жизни, все чаще голосуют «против всех» или вовсе не участвуют в выборах самого разного уровня. Не проявляя высокого интереса к выборам в самое последнее время и те россияне, которые относятся к наиболее обеспеченным категориям населения.

На фоне массовой политической пассивности, сокращения масштабов конвенционального политического поведения более заметными становятся проявления нелегитимного политического участия, особенно когда дело касается форм, связанных с применением насилия. Это дает

основание говорить о существенном росте масштабов нелегитимной политической активности, хотя ее реальные параметры за последние годы изменились не столь существенно, а по сравнению с началом и серединой 1990-х годов прошлого века значительно сократились.

Таким образом, нынешнее российское общество, уставшее от всевозможных бурь и потрясений, достаточно инертно. Снижение гражданской и политической активности россиян объясняется не только накопившейся социальной и политической усталостью населения, недоверием к институтам власти, политическим партиям и их лидерам, но и неразвитостью политической культуры, отсутствием зрелого гражданского общества. Нарастание политической пассивности крайне нежелательно для трансформирующейся России. Сегодня, когда исторический транзит еще не завершен, отстранение значительной части граждан от участия в политическом процессе, усиливает опасения, что последующие преобразования могут проводиться бюрократией без учета интересов всех групп и слоев общества.